

Персонал санитарного поезда № 187. А.В. Жиркевич во втором ряду в центре. 6 декабря 1914 года

В эвакуации в провинциальном Симбирске

По страницам дневника А.В. Жиркевича. 1914–1918 гг.

«Мне хотелось бы... составить статью о том, что делалось в тылу в Вильне, близкой к месту военных действий, и в Симбирске, далёком от них. Видел я много хорошего, отрадного. Но оно тонет в океане всяческих подлостей, непорядков, равнодушия и беззакония».

А.В. Жиркевич. Дневник.

1915 г.

27 августа. Симбирск. От Минска до Симбирска нам пришлось тащиться четверо суток, настолько сильно движение воинских и санитарных поездов. Из Минска выехали 19-го – сюда прибыли 23 августа. Вещи наши застряли где-то в дороге. Живём в отвратительных №№ «Прогресса».

Симбирск захудалый губернский городок, где генеральские лампасы производят своего рода эффект. Но я люблю такие города с их прозябанием. А вид на Волгу удивительный, и с детьми уже несколько раз побывали

на модном бульваре «Венец», откуда Волга видна на десятки вёрст<...>.

Что-то даст мне Симбирск? Приехал я в него, желая продолжать работу на благо ближнего. Но тут меня никто не знает. Едва ли кто-либо догадается, что я внук симбирского губернатора Ив. Ст. Жиркевича. Историей здесь вообще, по-видимому, мало интересуются<...>.

31 августа. <...>Наш переезд в Симбирск, переход от роскоши, нас окружавшей в Вильне, сокращение наших расходов и доходов – полезные уроки детям нашим, пусть привыкают мириться со всякой обстановкой, испытывать,

если не нужду (Бог поможет нам от неё избавиться), то лишения<...>.

Я уже зондирую в Симбирске почву для работы на благо раненых, познакомился с главным врачом двух городских больниц, где лежат раненые, – евреем Ленгшицем, очень симпатичным, и он уже дал мне разрешение на посещение раненых в обеих больницах.

6 сентября. Вчера посетил лазареты – больницу и тот, что рядом с государственным банком. Первый считается заброшенным. Но и тут – какая разница с Виленским госпиталем! Во втором солдаты обставлены прямо роскошно!

Всё у них, по их словам, в изобилии, кроме табака и папирос. Встретил здесь много милых «сестёр», во главе с престарелой ветеранкой ещё русско-турецкой войны. Встретили меня радушно. В этом лазарете мне было приятно встретить раненых, которых я знал по Вильне, и они мне обрадовались.

21 сентября. Чудные осенние дни. Дивный вид на Волгу, на дали с позлащённой листвой деревьев, на окрестности. Особенно хорош вид с водонапорной башни. Эгоистично впитывать в себя эту красоту, весь мир природы. Радуетесь тому, что живёшь, дышишь. А мысль летит туда, где гибнут и наши русские, и враги России...

Какие здесь уютные, хорошенькие домики в садах, на тихих улицах, где асфальтовые тротуары, но где в то же время бродят коровы, козы, куры и гуси... Какие сонные типы стариков и старух! Какая тишина по вечерам! И от самой Волги с «Венцом», и от далей веет сном. Читал «Обломова» и убеждаюсь в том, что Гончаров не написал бы этот роман, если бы жил не в Симбирске, а основное, если бы сам не был влюблён в этот сон, застой, тишину провинциального прозябания...

22 сентября. Последние главы «Обломова», оконченного мною в бессонную ночь, заставили меня плакать и над героем романа, и над собой, и над Гончаровым. Да, и над автором, жизнь которого под конец обратилась в «обломовщину». Не мог он этого не понять, не сознавать с его умом и наблюдательностью<...>.

Познакомился с местным любителем старины горбатым купцом Пылаевым. И не рад был... Он мне рассказывал, как варварски вырубил в прошлом году чудесную тенистую аллею, тянущуюся через всю Гончаровскую улицу, для того, чтобы устроить глупые, на европейский лад, площадки с газонами и растениями. Как варварски истязают, бьют новобранцев на улицах, как сломали дом, где родился Гончаров, как прозябает Симбирская архивная комиссия, какой чудный человек и деятель покойный Поливанов и как всё гнетёт и скручивает по своему губернатор Ключарёв.

23 сентября. Приходится ехать в Минск, Москву, Оршу, ещё не знаю куда для розысков вещей, коллекций, переписки и прочего, где-то пропавших на железной дороге. Сначала всё это я берёг: 1) для Гули; 2) для русских

музеев. Теперь, когда Гули не стало, хотелось бы сохранить для русской науки и искусства. Тяжело оставлять Катю с детьми и пускаться в приключения, да ещё в военное время, но ничего не поделаешь.

А.В. Жиркевич

6 октября.

В газетах появились выдержки из книги, посвящённой памяти героически погибшего князя Олега Константиновича (27 сентября 1914 г. вел. кн. Олег был смертельно ранен). Там говорится о поездке великого князя-отца (К.Р.) к умирающему сыну. Читая эти сжатые страницы, я переживаю свои былые драмы, связанные со смертью Варюши, Гули. Помню, как умирала Варя, и протоиерей Давидович читал над ней молитвы, я, боясь, чтобы приход священника не испугал ребенка и не навёл девочку на мысль о смерти, закрыл ей рукою глаза. То же сделал по отношению к умирающему сыну и великий князь. И так мне понятны муки его отцовского сердца. Всё, всё берedit раны прошлого!..

18 октября. А.Ф. Кони прислал мне милое письмецо, в котором тепло вспоминает Симбирск. Он погружён в дела «беженцев». Помогите ему Бог! Никогда не оставлял он без ответа просьб моих о разных страдальцах земли русской. И когда Кони умрёт, создастся ему настоящий памятник, прежде всего, как доброму, отзывчивому человеку. Вот пример, достойный подражания!

20 октября. Павел Ильич Пузыревский рассказывал о своих встречах с А.Ф. Кони дважды в Петербурге и один раз в Симбирске на закладке памятника Гончарову. Рассказывал о приёме в Киндяковке m-me Перси-Френч на площадке с чудным видом на Волгу, о внезапно налетевшей грозе, всех согнавшей от столиков, на которых было угощение... Он показывал мне интересную папку, где собрано всё относящееся к выставке его картин, устроенной им в Петербурге и связанной с произведениями Гончарова...

Какая в Симбирске скука! Говорят про недавно умершего Поливанова, как про свет, духовно озарявший, тревоживший своим светом глубины омутов симбирской жизни. Как жаль, что мне не удалось с ним встретиться! Пишет мне о покойном и А.Ф. Кони.

28 октября. Вчера я собрался с духом и посетил местный исправительный приют, который и местные газеты, и в обществе почему-то зовут «колонией малолетних преступников»... Огромный фруктовый сад с дивным видом на Волгу, оранжерея, огороды. Прекрасные две библиотеки, курсы садоводства, пчеловодства — для юношей. Симпатичная церковка, недавно устроенная купчихой Петуховой. Много, многое говорит о тех трудах, которые положены в основу материального благосостояния колонии.

30 октября. Вчера знакомился с этюдами П.И. Пузыревского и его акварелями. Много есть талантливых набросков. Много посвящено древним русским городам по Волге и самой Волге. Вспомнил В.В. Грязнова, как бы он всем этим заинтересовался.

А.Ф. Кони указывает мне на какого-то местного писателя М.Ф. Сперанского как на автора прекрасных статей о Гончарове.

6 ноября. Всё привожу свои альбомы в порядок. Подклеиваю автографы друзей, знакомых (для кого? зачем? — сам не знаю). Словно разворачивается длинный дневник прошлого, видишь свои увлечения, ошибки, надежды — в прошлом. Своего рода прижизненный страшный суд над самим собою... Моя бездеятельность в Симбирске в связи с войной убивает душу. Что здесь делать? Кому я здесь нужен?

8 ноября. <...>Детки пришли из института на праздники. (Дочери Жиркевича Мария и Екатерина были отданы

Надпись на авторской книге, подаренной А.В. Жиркевичу А.А. Мотовиловым. Симбирск. 6 октября 1917 года

в Марининский институт. Дочь Тамара оставалась дома. – Н. Ж.) Я начал переписывать мои рассказы «Бабушка», «На Везувии» и др. Быть может, детки мои когда-нибудь ими заинтересуются. А у меня нет средств на издание книжки рассказов. Да и кому теперь охота читать глупые воспоминания, анекдоты?

18 ноября. Надо вмешаться! Чёрт знает, что делается с нашими ранеными – солдатами из госпиталей, поступающими в местные команды выздоравливающих, а затем в запасные батальоны... В лазаретах их нежат, лечат, стараются показать им всяческое уважение, любовь за их страдания и подвиги. Но едва они выходят из лазаретов, как в командах выздоравливающих, в запасных батальонах попадают в руки мерзавцев офицеров и унтер-офицеров, которые бьют их, как животных, и всячески унижают. Со всех сторон от частных лиц слышу про эти избиения, иногда происходящие на площадях всенародно.<...>

21 декабря. Катя и дети помогают мне порадовать на праздник Рождества Христова раненых и детей женской тюрьмы праздничными подарками. Слава Богу, что у нас есть на что дарить...

Действительный статский советник

Александр Андреевич
Мотовиловъ.

ЧЛЕНЪ Государственной Думы отъ Симбирской губернии, стариннаго дворянскаго рода по происхожденію (родъ Мотовиловыхъ происходитъ отъ Федора Ивановича Шелыги, роднаго брата Андрея Ивановича Кобылы, родоначальника дома Романовыхъ), кавалеръ орденовъ Св. Станислава 1-й степени, Св. Владимира 3-й и 4-й ст. и Св. Анны 3-й степени и имѣнныи знакъ за введение въ дѣйствие положенія о госузарствѣ крестьянскихъ и знакъ Краснаго Креста, крупный землевладелецъ Симбирской губернии, старшій товарищъ председателя Всероссийскаго Национальнаго Союза. А. А. Мотовиловъ родился въ 1820 г.

1916 г.

1 января. Был у меня вчера Архангельский Д.И., чтобы ознакомиться с частью моих рисунков. Приятно показывать подобные вещи тому, кто их смотрит с удовольствием.

3 января. Заходил к худ. Архангельскому. Влюблен в своё искусство. В свой угол. В своих малюток. А вот призовут на днях на войну... Ну какой же это воин, никогда и ружья в руках не державший!

Вечер провёл у Пузыревских. Павел Ильич рисовал моим девочкам в альбомчики. Тоже и сын его, Котья-морьяк. Пришёл товарищ Коти, такой же, как он, воспитанник морского корпуса. И душа заболела о Гуле, о прошлом<...>.

5 января. На праздниках Рождества Христова и Нового года я был во всех местных тюрьмах, поздравлял узников с праздниками... До Р. Христова я просил начальника исправительного арестантского отделения снять кандалы с двух арестантов. Во время праздников я убедился, однако, в том, что кандалы сняты не только с этих двух арестантов, но и с остальных – ввиду моего заявления<...>.

9 января. <...>Мне жаль принимать звание инспектора... В лазаретах я нахожу постоянные неполадки. В смысле всяких льгот раненым, запрещённых законами (карты, курение в палатах, штатское платье, отсутствие старшины в палатах и т.п.). Во имя закона, порядка и дисциплины мне, конечно, придётся во всё это вмешиваться. И само собою, разумеется, что нарушится мирное моё отношение к раненым и больным солдатам.

18 января. Был на рауте у Е.М. Перси-Френч, устроенном по случаю съезда дворянства на выборы. Познакомился более чем со ста представителями и представительницами местной аристократии. Дом хозяйки – музей с редкими коллекциями картин, бронзы, оружия, фарфора и т.п. Дивные фарфоровые люстры<...>. Лукулловская закуска, лукулловский ужин со всевозможными возлияниями. Всё это по нынешним ценам обошлось не менее как в 2000 рублей, и я думал о том, как пригодились бы эти деньги для будущего приюта детей каторжанок! <...>

30 января. Хороший пример заразителен. Мои чтения заключённым исправительного арестантского отделения по воскресным дням пристыдило тамошнего батюшку, и он стал читать узникам тоже по воскресеньям, только в другие, как я, часы. Так мне объяснила перемену в нём тюремная администрация.

1 февраля. Рискнул вчера зайти в камеры женской тюрьмы... дезинфекция произведена безобразно (да иначе по тесноте помещений и нельзя сделать). Боюсь занести заразу Тамарочке и другим детям на свободе. Но да будет воля Божия!.. Дети мне обрадовались. Матери, потерявшие детей, плакали. Что я им мог сказать, кроме «бедные, бедные вы» <...>.

7 февраля. Вот Катя говорит, что надо не бояться заразы на основе «веры». Ах, если б я мог верить! Бедные, бедные дети тюрьмы напуганы скарлатиной. Так бы и жил среди них, чтобы успокоить их и учить жить по Евангелию! Разве могу я верить в то, что не занесу домой скарлатины! А вот Катя верует, что Бог не допустит заразы на почве добродетели<...>.

16 февраля. В женской тюрьме я нашёл-таки ларь для подаяния, года три тому назад выброшенный. С трудом

мне удалось заставить поместить ларь на видном месте. И уж начали класть в него подаяния<...>.

22 февраля. В Симбирске Масленица во всем разгаре, балаганы на площади, рынке, тройки на улицах, нарядная толпа, театры, концерты и т.п., точно братья не гибнут на позициях за Родину... Будь я губернатор, я запретил бы подобную вакханалию.

Пока в России и Европе решаются мировые вопросы, я борюсь в Симбирске с мелкой бюрократией. А ведь вся эта тля теперь сила...

25 февраля. <...>Вчера Архангельский провёл у нас вечер, рисовал детям в альбомчики, рассказывал о себе, о своём тяжёлом пути, по которому дошёл до звания учителя рисования. Приходилось и голодать. Так мне жаль видеть, как его отрывают от семьи, любимого искусства и шлют на бойню, кроткого, для военной жизни не годного, ушедшего с головой в своё искусство. Плакать хочется, глядя на то, как он, покоровшись судьбе, готовится в путь...

27 февраля. П.Л. Мартынов успокаивает меня, когда я начинаю ему рассказывать про мои симбирские приключения в бюрократических кругах, тем соображением, что, мол, то же самое повсюду у нас в России. Такой довод меня бесит. Как много людей у нас беспомощно сложили руки, поплыли по течению только потому, что убеждают себя в том, что бороться с уносящим их течением не под силу, бесполезно...

4 марта. Вчера исполнил моё обещание, данное слепым детям, прочёл им мои рассказы «Дружок», «Волк». Восторг был явный. Бедные дети ждали меня, по словам учительницы, с нетерпением.

5 марта. В память Гули мы с Катей пожертвовали в женскую тюрьму колокол в два пуда.

Дикая страна Россия. А всё же люблю её, не из-за дикой бюрократии, а из-за дикого народа, неповинного в своём одичании, в душе которого живёт Христос...

14 марта. Получил письмо от министра юстиции. По моему заявлению он велел симбирскому прокурору Карасёву дела о моих арестантах слепых переслать в Петроград, в министерство юстиции, для смягчения участи

несчастных. Итак, пока в Симбирске плюют на меня за мои заявления о слепых, в Петербурге зашевелились. Сколько было у меня в Симбирске из-за этих слепцов неприятностей! Они, бедные, об этом и не подозревают.

17 марта. Понемногу местные госпитали наполняются больными и ранеными. Поместили их и в Гончаровском Доме, где я их вчера и посетил. Что за дивное здание, точно храм какой-то! А из центральной комнаты второго этажа, где огромное окно, открывается дивный вид на Волгу... Что-то сказочное... Теперь тут операционная комната, и вместо предметов искусства, сувениров о Гончарове – операционный стол и несчастные солдатики, которые корчатся под ножом.

27 марта. Скверная привычка, просыпаясь, садиться за дневник, скверная потому уже, что заставляет вспоминать то, что удалось сделать для ближнего. А Христос учит забывать это, так как в подобных воспоминаниях, несомненно, есть доля самодовольства. С другой стороны, при моей дурной памяти, если бы я кое-что не записывал сейчас же, то многое забылось бы<...>.

Мне удалось устроить, с помощью полковника Кагадаева, художника Архангельского, призываемого на военную службу, так, как он хотел – в Казань. Бедный Архангельский по этому случаю был у меня вчера два раза, рисовал детям в альбомы и, видимо, рад, что едет в большой город, где у него есть родные и знакомые. Но какой это «воин»? Представляю его, с нежной душой, с художественным дарованием, с большими красивыми глазами, под градом шрапнелей и пулемётов... Сколько таких полегло в сырую землю...

6 апреля. Благодаря моим воззваниям и благодарностям, печатаемым в «Симбирянине», текут ко мне пожертвования для моих раненых и больных деньгами, махоркою, гармониками и балалайками...

9 апреля. Поэт А.А. Коринфский просит вмешаться в историю его родной сестры Сучковой, служавшей в городской заволжской больнице фельдшерницей, которую изводит мерзавец фельдшер из солдат, ругает последними словами, грозит её выгнать из больницы и пр. У неё сыновья на позициях – раненые офицеры... И снова у меня ужас при мысли, что будущая назревающая бюрократия из российских

граждан окажется куда подлее бюрократии чиновничьей...

13 апреля. Вчера обошёл четыре госпиталя. Дети пели пасхальные молитвы. Была чудесная погода. «Христос воскрес» так чудно звучало в местах страданий и скорби.

20 апреля. Чудный весенний день как бы озарил трогательный день поминовения усопших... Захожу в женскую тюрьму и слышу, как арестантки вместо сквернословий, которыми сопровождалась ранее их работы по мытью, глаженью белья, вполголоса поют хором молитвы. Да так тихо, скорбно и хорошо, что плакать хотелось, вспоминая их участь. Это результат влияния на них монахинь Лидии и Викторины и священника о. Цветкова. Ходил около здания тюрьмы и соображал, как бы пристроить недорого, удобно алтарь и часовню. Думал я и о том, где бы найти жертвователя на эту будущую церковь... Вызвал в контору тюремных деток, раздавал конфеты. Бедные невольники-узники – без прогулок. Даже не видят зелени. А личики скорбные<...>. Так хотелось вчера деревьям, небу, людям сказать: «Милые! Хорошие! Радуйтесь недолгой земной радостью!..»

24 апреля. Зацвела черёмуха, и мне почему-то вспомнился вел. кн. Константин Константинович, так любивший весну и романс, в основу которого положено стихотворение «Повеяло черёмухой». Бедный великий князь! Опубликовано его завещание. Дневник свой, да и то с оговорками, он решает печатать лишь через 90 лет...

30 апреля. Граф Ростовцев сообщает мне, что императрица соглашается принять от меня и Кати дивной работы кинжал, который мы просили принять в память Гули, на радость наследнику-цесаревичу.

12 мая. На Свято-Духовом кладбище, старом, заброшенном, я разыскал могилу Минаевых. Трудно себе представить более поэтический уголок для места вечного успокоения. Разлив подошёл к самому кладбищу. Густая трава между могилок. Кукушки с хохотом гоняются друг за другом. Они и другие птицы, благодаря отсутствию посетителей, почти не боятся и садятся совсем близко. Около могилы Минаевых – несколько деревьев, и над моей головой шёлкал соловей и перекликались иволги. Могилы имеют памятники, решёт-

Надпись на обороте снимка, подаренного А.В. Жиркевичу А. Филатовой:

«Другу страдающих, помощнику беспомощных дарит свою старую физиономию сестра милосердия, искренно чтущая его А. Филатова»

ку. Но всё это приходит в запустение... Вспомнились подробности жизни Миная и с кем они были знакомы. Сколько славы и какое забвение потомства!

15 мая. Множество богомолок с котомками, палками, в крестьянских костюмах бродит по Симбирску: сошлись группами ко дню приноса сюда Жадовской иконы. Это напоминает мне паломничество простого народа в Вильне и в Смоленске... Только теперь, благодаря войне, мужчины отсутствуют... Трогательны эти паломницы в грубых костюмах, с загорелыми лицами. Какая сила веры привела их сюда!

24 мая. Был у меня молодой художник А.А. Пластов, ещё учащийся в Московской школе живописи и валяния. Его рисунки, несомненно, свидетельствующие о таланте, которые я видел у Архангельского, обратили на себя моё внимание. Архангельский попросил у меня разрешение показать Пластову мои коллекции рисунков. Вот он и пришёл. Молодой человек (чуть ли не сын псаломщика, дячка) пробьёт себе ещё дорогу. В его словах чувствуется и любовь к искусству, и энергия, и настойчивость. Я долго ему показывал содержание моих портфелей — и оба мы измучились... Чувствуется в словах молодого художника сомнение, уверенность в успехах, некоторое дерзновение. Что ж? Это и хорошо, для

начинающего особенно. И молодость без этого скучна и приторна...

28 мая. Хочется отметить работу дряхлых, больных стариков. В исправительно-арестантском отделении видишь неустанную работу диакона Твердышева. В Красном Кресте неутомимо работает священник протоиерей Ахматов, о. Цветков, другие старики не сдаются времени и хотят показать миру пример служения Родине даже на скромных, незаметных поприщах. А старушка Филатова, сестра милосердия в Зеленковском госпитале! Ей под 80 лет. А работает, как молодая. И не унывает, и не мечтает об отдыхе. На днях её встречаю опаздывающей в госпиталь. Оказывается, что накануне водила вечером солдат в кинематограф<...>. Это ли не умилительно?!

14 июня. Богатство само по себе не порок, не упрек человеку. Но для того, чтобы иметь право пользоваться богатством, необходимо иметь оправдание. А это оправдание находится в трате части богатства на добрые дела, на благо ближних. Иначе богатство — преступление<...>.

15 июня. Императрица Александра Фёдоровна от имени наследника, через графа Ростовцева, прислала мне благодарность за кинжал, который я поднёс в память Гули<...>.

Продолжаю собирать пожертвования на церковь женской тюрьмы. И поступают даже ценные вещи. Мы же со священником о. Цветковым только радуемся. Арестантки собрали 60 рублей на икону. Хотят собрать ещё на лампаду. Церковь растёт быстро, как в сказке, и с нею входит в тюрьму особое настроение... На обороте иконы будут написаны имена арестанток, пожертвовавших свои трудовые гроши на украшение её.

2 июля. Я добился своего: стал начальником самого большого и самого распущенного госпиталя в Симбирске, над приведением которого в порядок придётся поработать. Теперь у меня 10 госпиталей, из них все самые крупные. Сам их себе взял.

5 июля. На базаре народ, особенно бабы, стали громить лавки с припасами, вызваны были войска. Но всё же разгромили бакалейную лавку купца Абушаева, растащив сахар, конфеты и прочее. Народ возбуждён и, по слухам, назавтра намерен продолжать безобразия<...>.

7 июля. Боюсь, что мои предположения начинают оправдываться и война, чем бы она для нас ни кончилась — победой или поражением, — разрешится вспышкой революции, которая сметёт бюрократию, но вместе с тем уничтожит много памятников культуры... И во мне крепнет убеждение, что Родина моя — на краю гибели.

26 августа. И.Я. Яковлев по просьбе моей прислал мне брошюры, в которых описано, как он создавал Симбирскую чувашскую школу. Трогательно и поучительно. Первые знакомлюсь с трудами Ильминского (профессор Казанского университета, директор инородческой учительской семинарии), вдохновлявшего Яковлева на его подвиги. Вот это настоящие деятели! Счастливы! Они узрели результаты своих трудов.

28 августа. Заходил к И.Я. Яковлеву<...>. Двери квартиры Яковлевых не запираются, и в комнату, где мы сидели, постоянно заглядывали интеллигентные и неинтеллигентные чувашские физиономии. Кое-кто и входил. Яковлев им говорил «ты». Видимо, тут особый мирок, особые отношения. На дворе — мужицкие телеги, лошади. Привозятся ученики. Валяются их пожитки. Чувствуется, что чувашская школа — нечто, не похожее на обычные учебные заведения. И лица приехавших школьников особого типа. Всё это меня интересует и волнует. Хочется ближе познакомиться с особым миром, вызванным к жизни энергией одного человека, из простого мужика-чуваша ставшего действительным сановником, инспектором учебного заведения, человеком с высшим образованием, с именем, популярностью далеко за пределами Симбирска...

31 августа. Церковь в женской тюрьме освятили с помпой, губернатором и множеством приглашённых. Хорошее дело закончено: узницам дан храм, где они могут помолиться и поплакать... Монашенка, приносившая мне просфоры от о. Цветкова и монастыря, мне рассказывала, что когда Цветков говорил речь узницам, то те не только заплакали, но и рыдали, что он плакал, что узницы пели хорошо, и что вообще всё было трогательно.

1 сентября. А.Ф. Кони прислал мне книгу свою о докторе Гаазе с такой трогательной для меня надписью: «Искренне уважаемому последователю Фёдора Петровича Александру»

Владимировичу Жиркевичу от автора». <...>О докторе Гаазе и его деятельности я, к стыду моему, узнал лишь из статьи Кони. Задолго же до этого, ещё будучи юным офицером, я уже работал, хотя и робко, неуверенно, на ошупь в деле облегчения участи узников, особенно военных, бывая в казармах, на гауптвахтах, в тюрьмах... Но, ознакомившись с жизнью и работой доктора-гуманиста, я много нашёл себе духовной поддержки в его примере.

19 сентября. Ф.О. Ливчак рассказывал мне о том, как чуть было не попал на убийство симбирского губернатора Старынкевича революционерами. Подходя к городской управе, он услышал взрыв, от которого разлетелись стёкла в окнах, видел, как несли раненого осколками снаряда губернатора. Преступник же, бросивший бомбу, бросился с Нового Венца вниз, по круче, в сады и пропал бесследно. У Старынкевича была масса ран, в которых застряли куски платья. Дня три он страдал ужасно и скончался от заражения крови. На месте его ранения, в стене, вделан образ с лампадою, сделана надпись<...>.

22 ноября. Москва. Приехал лечиться на короткое время, а уже скучно, сиротливо мне без обычной работы в симбирских госпиталях и тюрьмах<...>.

Заходил к М.В. Нестерову. Он и его жена приняли меня сердечно. Я у них долго сидел, пил чай. Нестеров показывал мне свои новые картины (самой же большой, неоконченной он мне не показал). Как всегда, картины его отличаются оригинальностью техники и наивно-народным духом. На одной из них, у скита, изображены две молодые инокини: одна полная мирских радостей и страстей, другая – преданная подвигам аскетизма... Но ещё более интересна и полна тихой скорби картина, изображающая на берегу реки греющихся у опушки леса трёх старцев инок<...>. Старческий закат полон бодрящей поэзии<...>.

27 ноября. Симбирск. Я опять дома, вижу Катю, детей, слышу их голоса. Маська в восторге от моего возвращения. Все здоровы, рады моему приезду. И я счастлив! Это душевное состояние увеличивается, когда я заглядываю в кучу писем и бумаг, накопившуюся за время моего отсутствия<...>.

13 декабря. Солдатики госпиталя в доме Зеленкова, боясь, что старушка

Надпись на снимке.
подаренном супруге А.В. Жиркевича:
«Екатерине Константиновне на память.
И. Репин. 17 марта 1890»

Филатова, сестра милосердия, может поскользнуться и упасть, пришили к её калошам резинку... Филатова была у нас. Я знаю, что больные и раненые её любят. Да и нельзя её не любить. Этакая цветущая старость!.. Даже подчас, глядя на неё, завидно становится.

23 декабря. Убийство в Петербурге знаменитого Григория Распутина сразу захватило скользящее общество в тылу и отодвинуло на задний план злободневные вопросы войны и мира. Конечно, личность Распутина – историческая. Мужик-бродяга, грубо-чувственный, безграмотный и наглый, десяток лет управлял бюрократической Россией, назначал и валил министров, митрополитов, влиял на решение вопросов внутренней нашей политики<...>.

31 декабря. Последний день старого, умирающего 1916 г. ничем хорошим Россия не помянет...

1917 г.

5 января. Вчера начал день хорошо с госпиталя, а окончил беспутно на шикарном вечере у Ливчаков, где были и дамы в дорогих туалетах с бриллиантами, и инженеры, и бешено стоящий (по нынешним ценам) ужин с вином и закусками. <...>. Было шумно, весело, шикарно и до преступности по нынешним временам дорого<...>. Я понимаю, что Ливчаку нужно устраивать такие вечеринки для поддержания связей, для заказов. Но как всё это звучит резким диссонансом при событиях военных и внутренних, которые переживает Россия!

24 января. Снова вспомнил, что у меня где-то (в Вильне или в дороге) пропало несколько папок с автографами учёных, писателей и др. Особенно жаль мне письма Гончарова к Жемчужникову, письмо Тургенева к Фету, письмо Пржевальского к Бяльцову и др. Всё мне было подарено и хранилось, как святыня. Не могу, не могу убить у себя червь горя о погибших сокровищах моих коллекций. Всё это я ведь берёг не для себя, а для музеев, для журналов, т.е. для РОССИИ.

13 февраля. Пришла от министра юстиции телеграмма, в которой сказано, что по Высочайшему повелению приказано слепых арестантов Соколова и Абрамова (тех самых, за которых я месяцев 9 просил и министра юстиции и Главное тюремное управление) освободить с каторги и отдать в богадельню общего призрения<...>.

17 февраля. Вчера разыскал в губернаторской земской богадельне слепца Соколова, вымытого, чисто одетого, накормленного, в тёплом помещении, имеющего свою кровать. Дал ему на новоселье немного денег и вообще аттестовал его в богадельне как человека безопасного и несчастного.

28 февраля. Я узнал, что в 1864 году губернаторский дом, тот самый, в котором жил дедушка мой Ив.Ст. Жиркевич (участник Отечественной войны 1812 г., генерал-губернатор Симбирска), не сгорел, а лишь обгорел: стены, расположение комнат остались прежние. Мне представляется, как в этом огромном доме жил с женою удивительно скромный, бедный и деловой Иван Степанович и творил разность чиновникам, пошаливавшим с законами. У меня всегда было особое чувство благоговения перед памятью деда, перед его неподкупной честностью и преданностью долгу. У меня многие из его недостатков: горячность, неуживчивость со злом и беззаконием, неумение заискивать, устраивать своё благополучие и клясться сильным мира сего...

2 марта. У нас был врач Листов, сообщивший сногшибательную новость! В Петрограде из состава Государственной Думы образовалось Временное правительство, арестовавшее Протопопова и других министров<...>. Мы с Катей жалеем Государя. Оплакиваем трагический закат его царствования, столь неудачного. Да будет счастлива и славится Россия!!!

6 марта. Сегодня, едва я пришёл, начальник тюрьмы объявил мне, что тюрьма меня ждёт с нетерпением. Он показал два прошения арестантов на имя Родзянки и Керенского, в которых они просят всех их, триста человек, освободить из тюрьмы на позиции. Когда я пришёл, набралось арестантов такое множество, что было трудно протиснуться. У всех лица возбуждены<...>. И с шумом, с бранью, грозно на меня взглядывая, вся ватага человек в 250 повалила вон. Я скоро остался с несколькими арестантами. Прошедшее меня огорчило, т.к. при таком настроении в тюрьме может вспыхнуть бунт, за которым последует усмирение, может быть, и кровавое...

25 марта. Собственно говоря, у нас в России не революция. Все так устали, что рады были броситься в объятия всему новому, обещавшему невозвращение к прежнему. Все сразу и на всё согласились. Если б не это единодушие и общества, и армии, и народа, то разве Россия в три дня признала бы Временное правительство?

6 апреля. Был у И.Я. Яковлева. Познакомился с его сыном, похожим скорее на англичанина, чем на русского. Музыкант, техник, механик, изобретатель. Знает в совершенстве три языка. Это – сын чуваша, крестьянина. Ах! Если бы все дети наших крестьян взлетели так же высоко, как этот молодой человек, теперь работающий на каком-то аэропланном заводе! Тогда

бы и «революция» не вылилась бы в столь грубые, безобразные, неэстетические формы<...>.

8 апреля. К нам приходил прощаться перед отъездом в Петроград сын художника Пузыревского, через несколько недель оканчивающий Морской корпус. Несчастный юноша ждёт не без тревоги производства в офицеры и выпуск во флот, где, по его словам, распушенность матросов после переворота приняла ужасающие размеры, особенно в Кронштадте<...>.

М.В. Нестеров прислал мне милое, сердечное письмо в ответ на моё заявление относительно того, что его картина, как воспевающая нечто вечное, «Святая Русь» переживёт всяческие революции, великий художник ответил, что боится за судьбу этой картины даже в настоящее время. Он описывает мне сюжет своей новой картины, в которую он по моей просьбе вставил и слепого солдатика (жертву войны) в бинтах на голове, ведомого сестрою милосердия. Как много света и чистого воздуха внесло это письмо.

10 апреля. Чем более развивается весна, тем отвратительнее то, что совершается в России и на всём свете<...>. Жестоко покарает Господь мою Родину за то, что она забыла Бога, Христа. Даже такая болотная лужа, как Симбирск, не отстаёт от остальной России, охваченной безумством анархии, произвола... Но стоит ли всё, что я вижу, описывать?

11 апреля. Изредка ко мне подходят на улице солдаты и бывшие арестанты, знавшие меня по тюрьмам и госпиталям, с разными просьбами об устройстве их на места. По возможности я стараюсь удовлетворить их желания. Вчера меня порадовал один раненный в руку солдатик, остановивший меня на улице<...>. Вся наша беседа была на эти жгучие, скорбные темы, об анархии и произволе. Так отрадно в чужой обезумевшей толпе встретить родственную душу, узнать, что таких душ немало ещё на Руси<...>.

14 апреля. Вчера меня глубоко, странно взволновала милая, сердечная открытка А.Ф. Кони. Он старше меня и давно уже болен различными недугами. А вот нашёл себе и при новом режиме работу, да ещё какую чудесную – очистить судебные уставы императора Александра II от разного рода позднейших, бюрократических

наслоений, сказавших девиз их: «Суд скорый, правый, равный для всех». За такой работой сладко было бы и умереть... Ещё пишет Кони, что думает перебраться на покой куда-либо на юг или восток, может быть, в Симбирск, который ему нравится<...>.

18 апреля. Вчера с Катей мы были у Яковлевых. В помещении рядом с квартирой шёл экзамен в выпускном классе чувашской школы по пению. Экзаменовались девочки. Яковлев предложил нам присутствовать на испытании. Я пробыл в классе часа два. Кроме меня, Яковлева и Кати, были ещё преподаватель пения в школе Максимов, священник и учитель чувашин из той же школы. Я точно в рай попал, видел, как детей из простонародья подняли до положения учительниц в народных школах, прекрасно изучивших многие предметы, в том числе и музыку, пение<...>. Я высказал Яковлеву и Максиму те чувства, которые меня волнуют при виде того, как и государственный переворот не остановил великого по результатам, но малого по наружности, непоказного дела просветления простого народа<...>.

5 мая. Бедные мои Катя и детки! Все они перешли с хорошими отметками в следующий класс, а Маня окончила с золотой медалью. И нет возможности их чем-либо порадовать: средства наши иссякают, а дороговизна жизни растёт. Сказал бы я им слово утешения. Но и слов-то таких у меня нет в запасе. Лгать же не хочется. Да они знают сами, что Россия гибнет<...>.

12 мая. Болтовня, болтовня, болтовня на митингах, собраниях, в кабинетах новоиспечённых министров и общественных деятелей. И сейчас всё это печатается в газетах в поучение и для успокоения. А как успокоишься, когда видишь, что ныне эта эпидемия болтовни только и составляет политическую жизнь России? А внутри мы идём через анархию к голоду и контрреволюции.

15 мая. В газете какой-то моряк описывает, как он производил обыск у бывшей императрицы Марии Фёдоровны, как он залез к ней без церемоний в спальню, приказал ей держать руки поверх одеяла, отнял у неё любимое её Евангелие.

20 мая. Сегодня, после нескольких месяцев возни и осложнений, мною подвешен на военном братском кладбище колокол в 10 пудов... На колоколе изображены Георгий Победоносец и надпись, мною же сочинённая, такого содержания: «Этот колокол отлит в ноябре 1916 года на деньги, пожертвованные чинами Симбирского гарнизона в вечную молитвенную память о воинах, которые, будучи присланы в Симбирские госпитали из действующей армии, скончались в них от ран и болезней, полученных при исполнении служебного долга в войне с Германией, Австрией, Турцией, за Веру и Родину, и погребены на гарнизонном кладбище, да вещает он потомкам о подвигах доблести здесь, в Бозе почивших».

24 мая. В газетах такие ужасы и мерзости, что я перестал записывать мои впечатления: видимо, Временное правительство, сейчас заправляющее Россией, скоро будет свергнуто или разбежится. Мы попадём во власть социал-демократов и покорно пойдём под это ярмо, как идут волы, меняющие хозяина. И жутко, и тошно, и беспросветно...

26 мая. Вчера был у нас Ливчак. Их дом окнами выходит на так называемый

«колючий сквер». Прежде, до революции, в сквере было тихо, бродили няньки с детьми и щебетали птицы. Теперь, весь день, в тени, валяются ничего не делающие солдаты, а к вечеру они же с девками – нянками из детского приюта устраивают безобразные оргии, благодаря чему порядочная публика обходит сквер боязливо. У Ливчаков же вечная тревога за детей, которые видят и слышат то, что по их возрасту им бы знать, наблюдать не следовало.

31 мая. Тяготит меня жизнь без работы. Бывало, пойдёшь в госпитали, в тюрьмы и вернёшься нравственно и физически измученный, с сознанием, что поработал на благо ближнего. Вернувшись же, примешься за писание писем, бумаг о нуждах раненых солдат и заключённых...

У Толстого дивно описана смерть князя Андрея... Удивительно, что Толстой уже в этом романе ясно выразил ту формулу жизни и смерти, которой остался верен до конца. «Любовь мешает смерти. Любовь есть жизнь. Всё, всё, что я понимаю, я понимаю только потому, что я люблю. Всё связано одною ею. Любовь есть Бог, а умереть – значит мне, частице любви, вернуться, вернуться к общему, к вечному источнику» <...>. Помню, как Л.Н. Толстой при мне говорил в Ясной Поляне с каким-то толстовцем на тему о том, что при болезни, по мере того, как слабеет, истощается, умирает тело, а с ним замирает в человеке потребность плоти, освобождается дух. Умерло тело, и свободный от него дух отлетает к Первоисточнику – к Богу – расплывается в Боге...

1 июня. Вчера с Катей (большой) и Тamarочкой были у Яковлевых. У них летом уютно: маленькая веранда выходит в сад. Старики чувствуют себя бодро. Я думаю привести мою старую мысль в исполнение – сделать запись с его слов о том, как он провёл детство и юность, как в нём родилась мысль приобщить чувашей к христианской культуре. Вчера я натолкнул старика на воспоминания его детства и юности<...>.

26 июня. Была у нас вчера Е.А. Яковлева (жена «чувашского Бога»). Она рассказывала о том, что делают на дворе в саду чувашской школы расквартированные в части помещений школы солдаты. У церкви они устроили себе на вольном воздухе отхожие места так, что, выйдя из дома, рискуешь попасть ногою в человеческие испражнения. Теперь идёт чувашский съезд, почему на днях в церкви при школе было торжественное богослужение. И что же? Солдаты под открытыми окнами храма, точно в насмешку, устроили игру в орлянку. В храм, во время богослужения, доносились звуки гармошки, ругательства играющих, пение и нецензурная брань. Яковлевы пробовали разыскать начальство, чтобы образумить солдат. Но начальство отсутствует<...>.

2 июля. Бывший император Николай II выразил желание подписаться на 500 тысяч на заём свободы. Это прекрасный жест бывшего самодержца по адресу революции, продолжающей клеветать на него и его семью...

14 июля. Как существует Россия, армия её не покрывала себя таким позором! От двух рот немцев бегут целые дивизии... А Керенский и С^о продолжают испражняться воззваниями, призывами, увещаниями... В газетах заявление генерала Корнилова о введении смертной казни... Да здравствует Революция, обещавшая России свободу, равенство, братство, запретившая смертную казнь и телесные наказания. Давно ли всё это было дано<...>.

27 августа. Будь у нас средства, я, устроив по музеям мои коллекции и архив, сам уехал бы с семьёй за границу. Не узнаю моей Родины, недавно бывшей мне матерью, а теперь становящейся хуже мачехи. Приближаюсь к теории Толстого о патриотизме.

6 сентября. В Симбирске объявлено военное положение... Город точно вымер...

8 сентября. Вчера провёл вечер наедине с И.Я. Яковлевым. Наши беседы почти всегда проходят в столовой. В прошлый раз Яковлев мне подарил с подписью переведённое им на чувашский язык Евангелие. А вчера подарил предисловие к Евангелию, т. е. повествование о том, как перевод делался. Посижу в квартире Яковлева, послушаю его рассказы, вслушаюсь в его беседы с приходящими к нему чувашами – и точно вберу в себя особый воздух, точно вхожу в жизнь, ничего общего с царящим в России сумбуром не имеющую<...>.

Русские беглецы из германского плена рассказывают о расположении немецких войск. Почтовая карточка 1916 года

17 сентября. Я никогда не думал, что центральной фигурой, озаряющей моё прошлое, был Л.Н. Толстой... К воспоминаниям о встречах с ним всё чаще и чаще обращается моя совесть. Ими, этими воспоминаниями, я проверяю степень моей добросовестности отношения к окружающему. Что бы сказал по поводу такого-то события Л.Н.?.. И Л.Н. из гроба даёт мне благие советы. По-прежнему я во многом с ним не согласен. Я вижу противоречия, ошибки, пристрастия и озлобленность в его загробных советах. Но не могу не любить его за правду, такую, какую он признаёт...

Как забыт у нас в России Д.Д. Минаев! В Симбирске многие и не подозревают о том, что могила его здесь находится... Уж если забыт Минаев, когда-то гремевший на всю Россию, то чего же ждать от потомства (и современников) нам, так называемым рядовым писателям? <...>

Зашёл вчера проведать моего родственника А.О. Жиркевича, имеющего на Новом Венце свой дом. Старик всегда считался красным, грезил о свержении в России самодержавия и радовался революции. А теперь... Теперь и следа не осталось от этих настроений. Кричит об отсутствии правительства, вопиет о твёрдой власти, дисциплине.

27 октября. Только что узнал из газеты «Симбирское слово» о том, что в Петрограде Временное правительство низложено и вся власть перешла в руки солдат и рабочих депутатов (т. е. большевиков – иными словами). Храни Бог Россию<...>.

Приходящие из города приносят нам крайне тревожные известия о пожарах, чинимых пьяными солдатами и чернью. Видимо, это ещё цветочки. Ягодки впереди<...>.

5 ноября. Солдаты разграбили имение Перси-Френч, знаменитую Киндяковку под Симбирском, растащив винный погреб.

24 ноября. Мальчишки чувашской школы, поднявшие вопрос об изгнании Яковлева по его старости, в конце концов, за неимением припасов для содержания, развезены по домам... И старика оставили в покое. Видимо, он скучает при отсутствии живого дела и в виду того, что новые веяния оплевали всё, что было ему дорого, свято в России<...>.

По всей Симбирской губернии идёт разгром усадеб с беспощанным бесмысленным уничтожением старинной мебели, картин, дорогой посуды и других предметов барства...

5 декабря. Какой-то прапорщик-большевик, командующий войсками Казанского военного округа, издал идиотский приказ об уничтожении офицерских погон, боевых и иных отличий офицеров и солдат. Приказ этот получен и в Симбирске. Многие офицеры уже сняли погоны<...>.

30 декабря. Подлый год приходит к концу, и помянуть его чем-либо хорошим невозможно<...>.

Я посетил вчера матушку Феофанию, бывшую настоятельницу местного женского монастыря, которая, уйдя на покой, поселилась в заранее устроенном ею себе маленьком домике, за монастырским храмом. Туда же с нею переселились и жившие с нею в настоятельской квартире монахини и послушницы. Мать Феофания счастлива тем, что ушла от монастырских дряг и дел, как говорится, «с честью». Сама она только боится, дадут ли ей большевики умереть спокойно в её уголке. Она давно уж приготовила для себя склеп в церкви.

Почтовые карточки периода Первой мировой войны из коллекции А.В. Жиркевича предоставлены Н.Г. Подлесских-Жиркевич